

Максим Левада*, Агнешка Дудек

ПШЕВОРСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам Южной Польши, Верхнего Днестра и Западного Буга)

«Теперь же вернёмся к тому, от чего сделали отступление, и поведаем, как то племя, о котором мы ведём речь, достигло предела своего пути».

Гетика, § 82.

Центрально- и североευропейское влияние на культуры Юго-восточной Европы определяется главным образом по лепной керамике (Магомедов 1987, с. 57-58; Баран 1981, с. 95; Обломский, Терпиловский 1998; Магомедов 1997; Винокур 1997). Причём из-за сильного смешения элементов двух культур в начале позднего римского времени, это влияние иногда называется « пшеворско-вельбаркским ». В самом деле, разделение в керамическом лепном комплексе черняховской культуры элементов « пшеворского » или « вельбаркского » происхождения, особенно на материалах поселений, очень затруднительно. Это вызвано тем, что в период активного проникновения готских племён из Северной Европы в Причерноморье (фаза В₂/С₁ Подольского) собственно пшеворские древности оказываются сильно смещены или поглощены вельбаркскими. Поэтому общую тенденцию считать лепную керамику с « западными » чертами Юго-восточной Европе скорее « вельбаркской », чем « пшеворской » можно объяснить не иначе, как желанием добиться совпадения между данными археологии и письменными источниками о тех местах, с которыми принято соотносить вельбаркскую и черняховскую археологические культуры (Баран, Магомедов, Гороховский 1990). А с другой стороны, авторы, отдающие предпочтение пшеворскому влиянию, делают это, похоже, из-за своего видения особенностей этногенеза протославян через культуры Пшеворск-Черняхов к собственно славянским древностям (Винокур 1997).

Принципиальность проблемы формирования гончарного комплекса черняховской культуры для решения вопроса о происхождении самой этой культуры очевидна. В этом плане нам представляется очень перспективным провести сравнение синхронной гончарной керамики пшеворской и черняховской культур. Это тем более интересно, что и с одной и с другой стороны известны мастерские, где эта керамика изготавливалась (рис. 1). Появление традиции гончарного круга и горна и там и там объясняется влиянием культур ближайших римских провинций или позднеримских центров. Сложность решения этой задачи заключается в том, что, как ни странно, для черняховской культуры не существует единой типологической и хронологической системы гончарной керамики. Имеющиеся работы посвящены либо отдельным типам посуды, либо отдельным элементам оформления сосудов (Магомедов 1973; 1977; Сымонович 1956; 1964; 1981; 1983; Корпусова 1971). В то же время типология гончарной пшеворской керамики разработана достаточно подробно (Dobrzańska 1980; 1990; Godłowski 1969). Понимая, что в силу названной причины использование всего керамического черняховского комплекса невозможно, мы решили ограничиться материалами одного отдельного локального региона – группой памятников Верхнего Днестра и Западного Буга типа Черепин-Теремцы. Использование керамики с памятников этого типа для выбранной нами цели удобно по нескольким причинам. Во-

* С моей стороны работа выполнена благодаря возможности посетить Польшу в октябре-ноябре 1998 года (стипендия имени Юзефа Мяновского). М. Левада

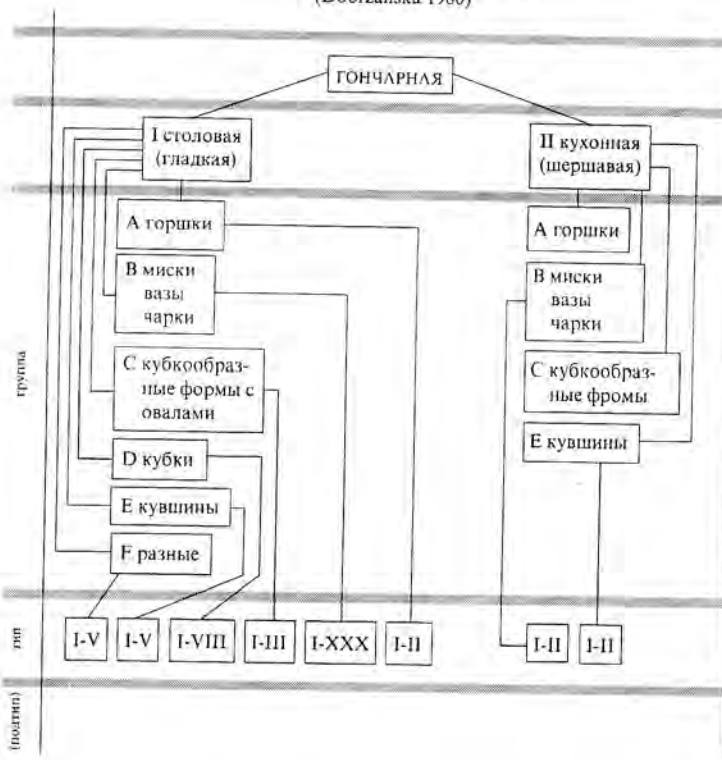
первых, для гончарной посуды группы Черепин-Теремцы разработана своя типологическая система (Баран 1981, с. 85-89, табл. XII-XXI). Во-вторых, на памятниках этого типа известны гончарные печи, что позволяет с высокой степенью вероятности считать эту керамику, а точнее её наиболее массовые типы, местной. В-третьих, лепная посуда группы, составляющая почти половину всего керамического комплекса, явно испытывает сильное пшеворское влияние (Баран 1981, с. 75, 95), которое может проявиться и в посуде гончарной. Определённое неудобство заключается в том, что некоторые черты памятников Черепин-Теремцы (преобладание углублённых жилищ и отсутствие могильников) не характерны для остальных черняховских древностей. Поэтому сравнение, проведённое нами, носит во многом предварительный характер. В дальнейшем, по мере появления типологий других локальных групп черняховской культуры, проблема, несомненно, должна быть поставлена вновь.

* * *

1. Сопоставление типологических систем.

Прежде чем сравнивать конкретные формы гончарной посуды, сопоставим их типологические системы (Dobrzańska 1980, Баран 1981).

ПШЕВОРСКАЯ КУЛЬТУРА
(Dobrzańska 1980)

ТИП ЧЕРЕПИН-ТЕРЕМЦЫ
(Баран 1981)

Как видим, принципы построения систем схожи. Типология пшеворской культуры более подробна, что, вероятно, объясняется большим разнообразием её гончарного комплекса. Для удобства сопоставления мы, вслед за К. Годловским (Godłowski 1969) обозначили столовую и кухонную посуду пшеворской культуры как I и II, что отсутствует в системе X. Добжаньской. Таким образом, столовые миски второго подтипа пятого типа по этой системе будем обозначать как D-I-B-V(2). Номер подтипа мы заключаем в скобки, поскольку главной категорией выделение серии сосудов и по системе X. Добжаньской и по системе В. Барана является *тип*. Принципом выделения типа есть особенности профилировки группы (формы) сосудов. А «подтип» пшеворской системы – признак второстепенный и, к тому же, необязательный для всех её типов. В типологии В. Барана мы оставили нумерацию без изменений, введя для удобства латинское буквенное обозначение его системы. Так, например, кухонные горшки второго типа мы будем обозначать как B-II-1-II. Определённое неудобство при сопоставлении типологий В. Барана и X. Добжаньской заключается в различном описании авторами аналогичных типов. Отсутствие жёстких классификационных критериев приводит к тому, что, например, один тип выделяется по особенностям формы тулова, другой – высоты шейки, третий – форме венчика. Иногда используются смешанные критерии. Такая же посуда другим автором субъективно видится иначе, принципами выделения типа становятся иные части сосуда. Поэтому соответствия на уровне группа-форма иногда приходилось определять по иллюстративным

таблицам. Рисунки пшеворской посуды нами отбирались в основном из работы о гончарном керамическом центре в Иголоми, как из наиболее обширной публикации гончарной пшеворской керамики (Dobrzańska 1990).

* * *

2. Сопоставление производственных технологий.

Специальных исследований состава керамической массы для посуды памятников типа Черепин-Теремцы не проводилось. Поэтому мы ограничиваемся визуальными описаниями автора. По составу теста и тому, как выглядит поверхность сосуда, В. Баран выделил три подгруппы: 1) из отмученной глины с гладкой, чаще пролощенной поверхностью высококачественного обжига; 2) со значительными примесями песка и шершавой поверхностью; 3) с незначительными примесями песка и более гладкой поверхностью, чем у посуды второй подгруппы. В дальнейшем, при анализе типов, он сам заметил, что третья подгруппа незначительна и представлена большей частью горшками (Баран 1981, с. 93). Анализа её типов проведено не было. Поэтому думается, речь идёт о кухонной посуде, но с более мелкими примесями в тесте.

Принципы разделения пшеворской гончарной посуды на гладкую и шершавую точно такие (Dobrzańska 1980, с. 92). Посуда без примесей в тесте с гладкой, часто пролощенной поверхностью относится к столовой (гладкой). Посуда с примесями чистого кварцевого песка, а в редких случаях мелкого шамота или дресвы, и шершавой («жесткой») поверхностью относится к кухонной (шершавой) (Dobrzańska 1980, с. 17). В обеих системах столовая посуда более разнообразна формами. Вся керамика имеет характерный для культур провинциально-римского круга серый цвет.

Конструкция печей для обжига керамики и в пшеворской культуре и на памятниках типа Черепин-Теремцы идентична (рис. 1:1-2). Все горны двухкамерные и относятся к классу 1 по типологии А. Бобринского, т.е. движение горячих газов в их теплопроводных каналах происходит в вертикальном направлении (Бобринский 1991, с. 95-97). Большинство пшеворских горнов имеет опорную перегородку, реже опорный столб (Dobrzańska 1990, рис. 25). Для всей черняховской культуры разработана более подробная типология гончарных печей, но подавляющее большинство из них (60%) имеют опорную перегородку, реже (32%) – столб. Горны без опоры для решётки в черняховской культуре редки. Появление горнов с опорной перегородкой в Юго-восточной Европе принято связывать с западным влиянием (Бобринский 1991, с. 195-199). На памятниках интересующего нас типа известны четыре печи (Неслухов – 3, Рипнев – 1) с опорной перегородкой (Баран 1981, с. 51-53).

* * *

3. Сравнение керамических комплексов.

1. Столовая посуда.

Миски. Наиболее многочисленная форма столовой посуды на памятниках типа Черепин-Теремцы. Большинство составляют экземпляры среднего размера, высотой около 9,8-11,2 см, диаметром венчика 15-17 см, диаметром дна 7,5-7,7 см. Для наиболее крупных экземпляров размеры соответствуют 20-22-12,5 см, а самых миниатюрных – 7-8,2-3,9 см (Баран 1981, с. 85).

Тип В-1-1-1 (рис. 2:1а). Миски с ребристым переломом по линии перехода в плечико. Плечики имеют цилиндрическую форму и могут быть весьма высокими. У некоторых экземпляров переход подчеркнут валиком-уступом. Венчики легко развёрнуты наружу, доньшки на кольцевом или плоском поддоне (Баран 1981, с. 85-86). Этому типу соответствует сразу два типа пшеворских мисок: D-1-B-V, биконические с широким венчиком и D-1-B-XX, с высокой цилиндрической шейкой и острым ребром (рис. 2:1б) (Dobrzańska 1980, с. 96, 109).

Тип В-1-1-1-1 (рис. 2:2а). Миски с плавным переходом бочка в плечики, сильнее, чем у предыдущего типа развёрнутым наружу венчиком и более покатыми плечиками (Баран 1981, с. 86). Аналогии: D-1-B-X, с высокорасположенным округлённым бочком и слабо профилированным венчиком, D-1-B-XVI, с высоко расположенным, легко закруглённым бочком и выделенным венчиком, D-1-B-XXIV, с округлым бочком и слабопрофилированным венчиком (рис. 2:2б) (Dobrzańska 1980, с. 105, 106, 111).

Тип В-1-1-1-1-1 (рис. 2:3а). Миски более открытой воронкообразной формы с низкими плечиками. У них развёрнутые наружу утолщённые венчики, чётко отделённые от бочков плечики, выделенная шейка. Этот тип самый малочисленный среди мисок группы Черепин-Теремцы (Баран 1981, с. 86). Аналогия: D-1-B-XXVI, миски с острым ребром и сильно отогнутым наружу венчиком (рис. 2:3б) (Dobrzańska 1980, с. 112).

Тип В-1-1-1-1-1-1 (рис. 3:1а). Глубокие миски-вазы с широкими Т-образными венчиками. Ребро острое или округлое. Венчик и плечики могут быть орнаментированы (Баран 1981, с. 86). Аналогия: D-1-B-VIII, весьма распространённый в керамическом комплексе пшеворской культуры тип (рис. 3:1б) (Dobrzańska 1980, с. 98-103).

Тип В-1-1-1-1-1-1-1 (рис. 3:1а). Миски-вазы с тремя ручками (Баран 1981, с. 86-87). Аналогий трёхручным вазам с широкими ленточными ручками, идущими от венчика (или, реже, от шейки) до середины бочка в пшеворской культуре нет. Тип D-1-B-IX несколько иной – с сильно отогнутым венчиком, высоко размещённым ребром и ручками в виде небольших ушек. Следует заметить, что

трёхручные вазы нехарактерны для памятников типа Черепин-Теремцы. На поселениях этого типа, несмотря на ширококомасштабные раскопки, найдено только три (!) фрагмента таких ваз. Мы думаем, что они являются импортом из «классических» черняховских памятников.

Прототипами черняховских трёхручных ваз принято считать пшеворские и отчасти лобовицкие лепные сосуды. По мнению Б. Магомедова различие в форме гончарных черняховских и пшеворских трёхручных ваз вызвано тем, что пшеворские традиции оформления таких сосудов попали в Юго-восточную Европу очень рано, на этапе формирования черняховской культуры, и развивались там, в дальнейшем, самостоятельно (Магомедов 1997, с. 39). С этим объяснением можно было бы согласиться, если бы были известны корректно датированные ранние комплексы черняховской культуры с сосудами такого типа и была разработана типология черняховских трёхручных ваз. Погребение из Рудки не является черняховским – это вельбаркское погребение с гончарным трёхручным сосудом скорее пшеворской, чем черняховской традиции (Кухаренко 1980, табл. XXXI/9). Экземпляр из Ромашек недостоверен (Сымонович 1979, с. 164-165, рис. 7:3). А погребение 6 из Раковца-Чесновского не содержит датированных вещей (Винокур, Островский 1967, с. 146, рис. 8:4). Сосуд из него лепной, т.е. он, очевидно, является подражанием гончарному пшеворскому типу. Поэтому объяснение различия форм черняховских и пшеворских трёхручных ваз, сделанное Б. Магомедовым, при всей его привлекательности, пока может быть признано только в качестве рабочей гипотезы.

Горшки. На памятниках типа Черепин-Теремцы эта категория посуды встречается реже мисок (Баран 1981, с. 87).

Тип В-1-2-1 (рис. 3:2а). Округлобокие горшки со слегка отогнутым, утолщённым, изредка трёхгранным венчиком и выпуклыми бочками (Баран 1981, с. 87). В типологии Х. Добжаньской им соответствует тип D-I-A-I, с округлым бочком и узким, по отношению к диаметру бочка, венчиком (рис.3:2b) (Dobrzańska 1980, с. 94).

Тип В-1-2-II (рис. 3:3а). Горшки биконической формы. У них сильно отогнутый наружу венчик (Баран 1981, с. 87). Биконические формы столовой посуды известны и в пшеворской культуре, где они считаются вазами (тип D-I-B-I). Но у пшеворских форм очень слабо выражен венчик (рис. 3:3b – верхний ряд). Мы нашли точные аналоги типа В-1-2-II, которые, по неясным причинам, не выделены в типологии Х. Добжаньской (рис. 3:3b – нижний ряд).

Кувшины. Эта форма посуды не так многочисленна, как миски и горшки, хотя присутствует на всех памятниках типа Черепин-Теремцы (Баран 1981, с. 88). Детальная классификация затруднена, поскольку некоторые типы выделены только по одному экземпляру.

Тип В-1-3-1 (рис. 3:4а). Одноручные кувшины с высокой, чуть расширенной вверх или цилиндрической шейкой, округлым горлом, закруглённым или биконическим бочком (Баран 1981, с. 88). Аналогия: D-I-E-I, с высокой цилиндрической шейкой и аккуратным туловом (рис. 3:4b) (Dobrzańska 1980, с. 122).

Тип В-1-3-II (рис. 3:5а). Одноручные кувшины с невысоким цилиндрическим горлом и выпуклым или биконическим бочком. Они имеют чётко выраженные, выделенные уступом или порошком, плечики (Баран 1981, с. 88). Аналогия: D-I-E-V(2), с низко расположенным наибольшим диаметром бочка и цилиндрической шейкой (рис. 3:5b) (Dobrzańska 1980, с. 124).

Тип В-1-3-III. Небольшие экземпляры с узким горлом (Баран 1981, с. 88). Мы не искали аналогий этому типу в пшеворской культуре. Такие кувшины (Баран 1981, таб. XVII/3) являются либо продукцией провинциальных мастерских, либо подражают римской керамике.

Тип В-1-3-IV. Фрагмент кувшина, имитирующий античную ойнохою. Единичная находка в Рипневе (Баран 1981, с. 88). В связи с тем, что сосуд явно имитирует римский прототип, мы, как и для предыдущего типа, аналогий ему в пшеворском керамическом комплексе не искали.

Тип В-1-3-V (рис. 3:6а). Амфороподобные двуручные сосуды (Баран 1981, с. 88). Аналогия: D-I-F-I, амфоры (по терминологии Х. Добжаньской) с яйцевидным туловом, тулово плавно переходит в цилиндрическую шейку (рис. 3:6b) (Dobrzańska 1980, с. 124).

Кубки. Эта форма, как заметил сам В. Баран, имитирует стеклянные античные изделия. Полностью согласившись с этим, мы не сопоставляли их с пшеворскими. Необходимо отметить, что и в пшеворской гончарной керамике существуют типы сосудов, сходство которых с черняховскими кубками, подражающими стеклянным (Сымонович 1978, с. 180-182), и с античной стеклянной посудой уже отмечалось (Dobrzańska 1980, с. 119-122).

Покрышки. Две покрышки, упомянутые В. Бараном, не приведены в таблицах. Судя по описанию орнамента одной из них, речь идёт об изделии провинциальных мастерских Подунавья (Баран 1981, с.89).

II. Кухонная посуда.

Посуда этой подгруппы на памятниках типа Черепин-Теремцы количественно преобладает над столовой. Но её формы беднее – миски, кувшины и кубки известны в единичных фрагментах и не проанализированы в типологии В. Барана (Баран 1981, с. 90).

Горшки. Все кухонные горшки крепкого обжига и имеют шершавую поверхность за счёт примеси песка или иногда кварца (Баран 1981, с. 90).

Тип В-II-1-1 (рис. 4:1а). Округлобокие яйцевидные формы с отогнутым наружу, немного закруглённым венчиком и невысокой шейкой. Плечики выражены чётко (Баран 1981, с. 90). Ана-

логия: D-II-A (рис. 4:1b), со слабопрофилированным венчиком и выпуклыми бочками (Dobrzańska 1980, с. 126).

Тип В-II-1-II (рис. 4:2a). Биконические горшки (Баран 1981, с. 90). В типологии Х. Добжаньской за 1980 год аналогии этому типу не существует. Но в типологической схеме, сделанной ею же для гончарного производственного центра Иголоми, этому типу соответствует тип № 35 (рис. 4:2b) (Dobrzańska 1990, рис. 12).

Оба типа *сосудов-пифосов* («Krausengefäss») с памятников типа Черепин-Теремцы (В-II-2-1 и В-II-2-2) имеют прямые аналогии в Южной Польше. Х. Добжаньская эту категорию сосудов в свою типологию не включала, считая, что их надо рассматривать отдельно. Отличительной чертой пифосов Верхнего Днестра и Западного Буга является орнаментация многорядной волнчатой пифосов Верхнего Днестра и Западного Буга является орнаментация многорядной волнчатой пифосов (Баран 1980, с. 92). Нам кажется, что распространение сосудов-пифосов с таким орнаментом не правомерно соотносить с какой-либо археологической культурой. Дело в том, что в позднее римское время эти сосуды характерны не только для памятников типа Черепин-Теремцы и пшеворской культуры, но и для культуры карпатских курганов (Вакуленко 1977, с. 28, табл. XV), и для памятников северокарпатской группы (Madyda-Legutko 1996, tabl. XXI, XXV-XXVII). Учитывая, что такая орнаментация керамики на памятниках черняховской культуры ограничивается Верхним и Средним Днестром (Сымонович 1964), можно предположить заимствование традиции из региона Западных Карпат. Вероятно «карпатская волна» расходилась из каких-то крупных производственных центров вначале только с продукцией, а затем стала характерной для всего региона и соседних территорий (рис. 4:3a-c).

Все прочие единичные формы кухонной посуды памятников типа Черепин-Теремцы (кувшины, мисочки, кубочки) известны также и в пшеворском керамическом комплексе, а некоторые из них (например, кувшины и миски) даже в значительном количестве.

Таким образом, основные типы гончарной посуды группы Черепин-Теремцы имеют полные соответствия в южнопшеворском гончарном сервизе. В связи с тем, что многочисленная лепная посуда памятников региона Верхнего Днестра и Западного Буга испытывает сильное пшеворское влияние (Баран 1981, с. 75, 95), эти соответствия явно неслучайны. Вместе с тем пшеворский гончарный керамический комплекс гораздо разнообразнее. Следует подчеркнуть, что многие типы пшеворской гончарной столовой посуды (типы D-I-B-I, D-I-B-II, D-I-B-XXIII, D-I-E-III, D-I-F-V), имеющие прямые аналогии в «классической» черняховской культуре, на памятниках типа Черепин-Теремцы не присутствуют. Отличается керамика этого региона и от полного черняховского набора – неизвестны или единичны находки трёхручных ваз, некоторые формы кувшинов (Магомедов 1973). Безусловно, явным черняховским признаком являются находки на поселениях Бовшив, Демьянов II, Рипнев II, Ракобуды и Неслухов римских

ТИП	ДАТА		ГРУППА (ФОРМА)
	(Dobrzańska 1980)		
D-I-B-VI			миски
D-I-B-XXVI			миски
D-I-F-I			кувшины
D-I-B-XXIV			миски
D-I-E-V(2)			кувшины
D-I-B-XX			миски
D-I-B-V			миски
D-I-B-XVI			миски
D-I-B-VIII			вазы
D-I-A-I			горшки
D-I-E-I			кувшины
D-II-A			горшки
D-I-B-X			миски

амфор. В то же время, находки рельефной посуды типа *terra sigillata* (Черепин) нехарактерны для памятников черняховской культуры, но обычны для пшеворской. К находкам пшеворского происхождения следует отнести обломок лезвия кинжала или ножа из Черепина с одно-сторонней каннелурой (Баран 1981, табл. XXXII/11). В черняховской культуре такие изделия неизвестны, а на пшеворских памятниках они обычны. Скорее всего, пшеворского происхождения керамические кубки («*Faltenbecher*»), орнаментированные вертикальными овалами из Рипнева II и Ракобудов (Баран 1981, с. 94). Такая орнаментация посуды, имеющая провинциально-римские прототипы, характерна для пшеворского гончарного набора – типы D-I-C-I(1), D-I-C-I(2), D-I-C-II(1), D-I-C-II(2), D-I-C-III, D-II-C-I. Безусловно, пшеворского происхождения изделие из рога в жилище 4 Черепина (Баран 1981, табл. XXXVIII/17). В черняховской культуре ещё одна находка известна только на поселении Кобылля, для которого характерна выразительная лепная керамика пшеворского облика (Строценъ 1998, рис. 25:5, 12:1-6), а в центральноевропейском мире эти изделия встречаются часто (Purgala 1974).

Совпадение основных гончарных типов на памятниках группы Черепин-Теремцы с пшеворскими из Южной Польши трудно анализировать без попытки сравнения хронологии этих керамических наборов. Х. Добжаньска приводит фазы бытования пшеворских гончарных типов. Те из них, которые имеют аналоги на Верхнем Днестре и Западном Буге относятся в основном к рубежу фаз С₂/D К. Годловского для пшеворской культуры. По общему мнению, в это время уже сложились основные «классические» древности черняховской культуры.

Для памятников группы Черепин-Теремцы хронология керамики не разработана, главным образом, ввиду отсутствия в этой группе могильников. Поэтому важно в принципе выяснить, имеются ли на этих поселениях объекты с гончарной керамикой и вещами, позволяющими датировать её наиболее ранней фазой черняховской культуры – 230-270 гг. по Е. Гороховскому (Гороховский 1988). Такими объектами являются: жилища 4, 5, 7, 8, 9 и постройка «А» поселения Черепин, жилища 1 поселения Демьянов, жилища 18 и яма 49 поселения Бовшив II, жилища 2, 4, 7, 11, 24 и постройка 1 поселения Рипнев II. Датированные находки из этих объектов (гребни, амфоры, фибулы) не позволяют уверенно сузить раннюю дату комплексов за рамки III – начала IV столетия (Баран, Магомедов, Гороховский 1990, с. 51). Отдельно следует рассмотреть набор вещей из жилища 6 поселения Черепин, содержащий, в том числе, гончарную керамику и фрагмент посуды типа *terra sigillata*. Это жилище перекрыто мощным слоем глиняной обмазки, что, безусловно, делает его закрытым комплексом (Баран 1981, с. 100, табл. XL). Помимо *terra sigillata* в нём найдены шпора типа Лёйна F / Коковски 3 и фрагменты светлоглиняной амфоры типа Шелов F («инкерманский»). Шпоры этого типа датируются в рамках 260-350/370 гг., амфоры в целом IV веком (Kokowski 1993; Kazanski 1994; Шелов 1978). А *terra sigillata* даже в пшеворской культуре исчезает к середине III века (Bursche 1992). Поэтому, если исключить маловероятную возможность «длинного» запаздывания именно на этом поселении такой керамики, думается, фрагмент её всё же попал в жилище случайно, возможно из слоя липицкой культуры.

Сложность сопоставления хронологии гончарных комплексов для определения направления культурного влияния очевидна. Скорее всего, вопрос может быть решён только на общем уровне, анализом всей культурной ситуации на Верхнем Днестре – Западном Буге в римское время.

* * *

Вначале статьи мы отмечали специфику памятников типа Теремцы-Черепин, заключающуюся в преобладании там углублённых жилищ и отсутствии могильников. Проведённое нами сравнение типологии гончарной керамики с пшеворской гончарной посудой позволяет на наш взгляд вновь, вслед за О. Приходнюком, открыть вопрос о культурной интерпретации этих древностей (Приходнюк 1994). Выделение в рамках одной археологической культуры локальных вариантов возможно при чётком представлении об основных критериях конкретной археологической культуры. Наиболее полное определение *черняховской археологической культуры* предполагает четыре признака (Баран, Гороховский, Магомедов 1990, с. 56). Во-первых, это открытые поселения, расположенные на пологих склонах или краях плато, а также на возвышенностях в поймах рек. Во-вторых, это долговременные грунтовые могильники, как правило, с биритуальным обрядом погребения. В-третьих, преобладание в керамическом комплексе сероглиняной гончарной посуды (а в Верхнем Поднестровье – лепной!); специфичные изделия из металла и кости; наличие римских импортов. В-четвёртых, основа хозяйства – земледелие с развитым животноводством; гончарное ремесло как самостоятельная отрасль; интенсивная торговля с римскими провинциями.

Это определение, к сожалению, очень слабо подкреплено обобщающими подробными исследованиями массового черняховского материала. Поэтому все четыре признака (как сами по себе, так и в единой системе) очень субъективны. Отсутствие чётких границ позволяет «удобно двигать» критерии черняховской культуры в зависимости от изначальной ориентации каждого автора. Первый признак, строго говоря, характерен для многих археологических культур, отражающих древности варварского мира Европы в римское время. Второй признак для памятников типа Теремцы-Черепин не работает. Погребения и могильники, приводимые В. Бараном, как раз и не содержат керамику тех типов, которые составляют своеобразие этого региона

(Баран 1981, с. 62-74). Третий признак выглядит несколько нелепо – именно керамика Верхнего Днестра в нём подчеркнута отделена от остальной черняховской. А фибулы, пряжки и гребни этой территории типичны и для Центральной Европы. В связи с этим очень интересно наблюдение Е. Гороховского, что фибулы А.VII с памятников днестро-бужского региона имеют ряд особенностей, отличающих их от фибул этой же группы Польши, Волыни и Белоруссии – грабёные, довольно широкие спинки и длинные, далеко выступающие за приёмник ножки (Баран, Магомедов, Гороховский 1990, с. 51). На памятниках типа Теремцы-Черепин фибулы этой «ого-восточной», по терминологии Е. Гороховского, подгруппы имеют ещё одну особенность – верхнюю тетиву. По мнению собравшей их М. Мончынської, фибулы А.VII с верхней тетивой сконцентрированы в четырёх регионах – во-первых, в районе Днестр-Сирет, во-вторых, в древностях сарматского происхождения на Среднем Дунае над Тиссой, в-третьих, в Нижней Австрии и Словакии. В-четвёртых, их довольно много в пшеворской культуре, особенно в её западной и центральной зоне и почти нет в черняховской (*Mačzyńska, в печати*). Весь четвёртый признак – и хозяйство, и ремесло, и торговля характерен и для пшеворской культуры. Из всего определения остались только римские амфоры. Это, безусловно, находки не связанные с пшеворскими древностями, но только лишь их на наш взгляд недостаточно для занесения группы Теремцы-Черепин в черняховскую культуру.

Пшеворское влияние на культурную ситуацию Верхнего Днестра – Западного Буга в позднее римское время не явилось новой волной миграции из Южной Польши. Основное культурное своеобразие региона было заложено в раннее римское время и связано с зубрежкой культурой Волыни. Древности этой культуры сосуществовали на Верхнем Днестре с пшеворскими и испытывали со стороны последних определённое влияние (Козак 1991, с. 31-32). Думається, абсолютно прав Д. Козак, считающий памятники типа Теремцы-Черепин очередным этапом развития этноса, которому соответствовала зубрежская культура (Козак 1991, с. 124). Миграция вельбаркских племён в фазе В₂/С₁ К. Годловского на Волынь оттеснила зубрежскую культуру в Поднестровье, где и сложились древности типа Теремцы-Черепин. Однако контакты с пшеворскими племенами продолжались и в позднее римское время, что отразилось в гончарной керамике группы. Не исключено, что именно эти связи помогли населению Верхнего Днестра сохранить культурное своеобразие во время вельбаркской экспансии. Для черняховских племён группа Теремцы-Черепин стала культурной периферией их мира, имеющей какое-то торговое значение (амфоры).

Из многих параллелей между зубрежкой культурой и группой Теремцы-Черепин (топография и планировка поселений, типы жилищ, сходство лепного керамического комплекса – см. Козак 1982; 1985), особенно интересной представляется отсутствие могильников. Такую же особенность имеют памятники северокарпатской группы, о которых мы писали, рассматривая сосуды типа krausengefäss. Показательно, что керамика этой группы тоже испытывает очень сильное пшеворское влияние (Madyda-Legutko 1996, с. 67-69). Поэтому мы, с определённой осторожностью, допускаем, что в фазе С₃/D₁ часть населения из района Верхнего Днестра – Западного Буга отошла на запад и приняла участие в формировании древностей северокарпатской группы. Это допущение вполне совпадает со сложной военно-политической и этнокультурной обстановкой в Восточной Европе рубежа позднего римского – гуннского времени, соответствующей началу эпохи переселения народов.

БІБЛІОГРАФІЯ:

Баран В.Д.

1981 *Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу*, Київ.

Баран В.Д., Магомедов Б.В., Гороховский Е.Л.

1990 *Черняховская культура и готская проблема [в:] Славяне и Русь (в зарубежной историографии)*, Киев, с. 30-77.

Бобринский А.А.

1991 *Гончарные мастерские и горны в Восточной Европе*, Москва.

Вакуленко Л.В.

1977 *Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття н.е.*, Київ.

Винокур І.С.

1997 *Пшеворські елементи в пам'ятках черняхівсь-*

кої культури Волино-Подільського пограниччя, КР, т. III, с. 51-66.

Винокур І.С., Островский М.И.

1967 *Раковецкий могильник*, МИА, № 139, с. 144-159

Гороховский Е.В.

1988 *Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины [в:] Труды V международного конгресса археологов-славистов*, Киев, т. 4, с. 34-46.

Козак Д.Н.

1981 *Пшеворська і черняхівська культури в Верхньому Подністрів'ї і Західному Побужжжі*, Археологія, вип. 37, с. 31-48.

1983 *Пшеворская культура и Волино-Подольская группа [в:] Этнокультурная карта Украинской ССР в I тыс. н.е.*, Киев, с. 25-34.

1991 *Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. –*

IV ст. н.е.), Київ.

гія, вип. 43, с. 26-43.

Корпусова В.М.

1971 *Біконічні посудини перших століть нашої ери з Причорномор'я*, Археологія, вип. 3, с. 75-82.

Кухаренко Ю.В.

1980 *Могильник Брест-Тришин*, Москва.

Магомедов Б.В.

1973 *До вивчення черняхівського гончарного посуду*, Археологія, вип. 12, с. 80-87.

1974 *О происхождении форм черняховской гончарной керамики [в:] Новые исследования археологических памятников на Украине*, Киев, с. 111-123.

1985 *Черняховская культура Северо-западного Причерноморья*, Киев.

1986 *К вопросу о влиянии культур Центральной Европы на черняховский керамический комплекс*, КР, т. III, с. 39-44.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В.

1998 *Поселение Попово-Лежачи -4 и его место среди памятников киевской культуры [в:] ФА, № 22, с. 53-89.*

Приходнюк О.М.

1994 *Про форми та зміст етнокультурних археологічних структур (фінальна стадія первіснообщинного ладу) [в:] Старожитності Русі-України*, Київ, с. 61-67.

Строць Б.

1998 *Розкопки черняхівського поселення біля с. Кобилля у 1995 році [в:] 20 lat archeologii w Masłowie*, т. I, Lublin, с. 325-239.

Сымонович Э.А.

1956 *Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры*, СА, т. 26, с. 262-270.

1957 *Орнаментация черняховской керамики*, МИА, № 116, с. 270-361.

1958 *Некоторые наблюдения над датировкой черняховских памятников [в:] Древняя Русь и славяне*, Москва, с. 179-186.

1959 *Ромашковский могильник – первый черняховский памятник Поднепровья*, СА, № 3, с. 155-170.

1960 *Черняхівські горщики Подніпров'я*, Археологія, вип. 36, с. 41-45.

1982 *Черняхівська кераміка Подніпров'я*, Археоло-

Шелов Д.Б.

1978 *Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры: классификация и хронология*, КСИА, вып. 156, с. 16-21.

Bursche A.

1992 *Terra Sigillata from Close Finds north of the Carpathians [в:] Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*, Kraków, с. 141-148

Dobrzańska H.

1977 *Zagadnienie datowania ceramiki toczonej w kulturze przeworskiej*, Archeologia Polski, т. 24, с. 87-152.

1978 *Osada z późnego okresu rzymskiego w Igołomi, woj. krakowskie*, Kraków.

Godłowski K.

1969 *Kultura przeworska na Górnym Śląsku*, Katowice-Kraków

Kazanski M.

1994 *Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la region Pontique: origine et diffusion [в:] Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*, Lublin-Marbourg, с. 429-485

Kokowski A.

1993 *L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) [в:] L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle*, Paris, с. 335-354

Madyda-Legutko R.

1996 *Zróżnicowanie kulturowe polskiej strefy beskidzkiej w okresie laterńskim i rzymskim*, Kraków.

Maczyńska M.

в печати - *Die sog. «sarmatischen» Fibeln in Mittel- und Osteuropa*

Pyrgala J.

1974 *Rogowe narzędzia plecionkarskie z I w. p.n.e – XIXIII w. na ziemiach polskich*, WA, т. 39, с. 48-53.

СОКРАЩЕНИЯ:

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

СА – Советская археология

FA – Folia Archaeologica

KP – Kultura przeworska

WA – Wiadomości Archeologiczne

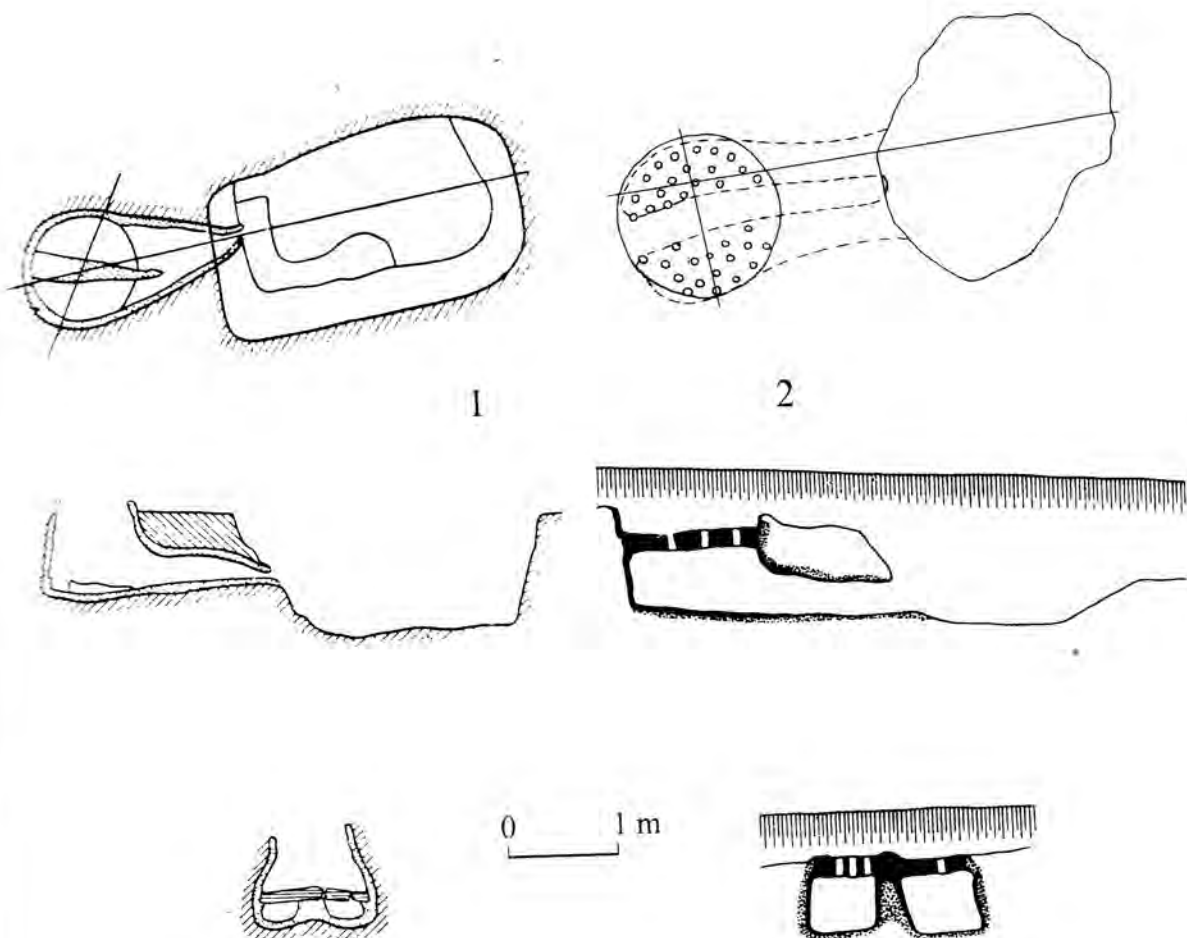
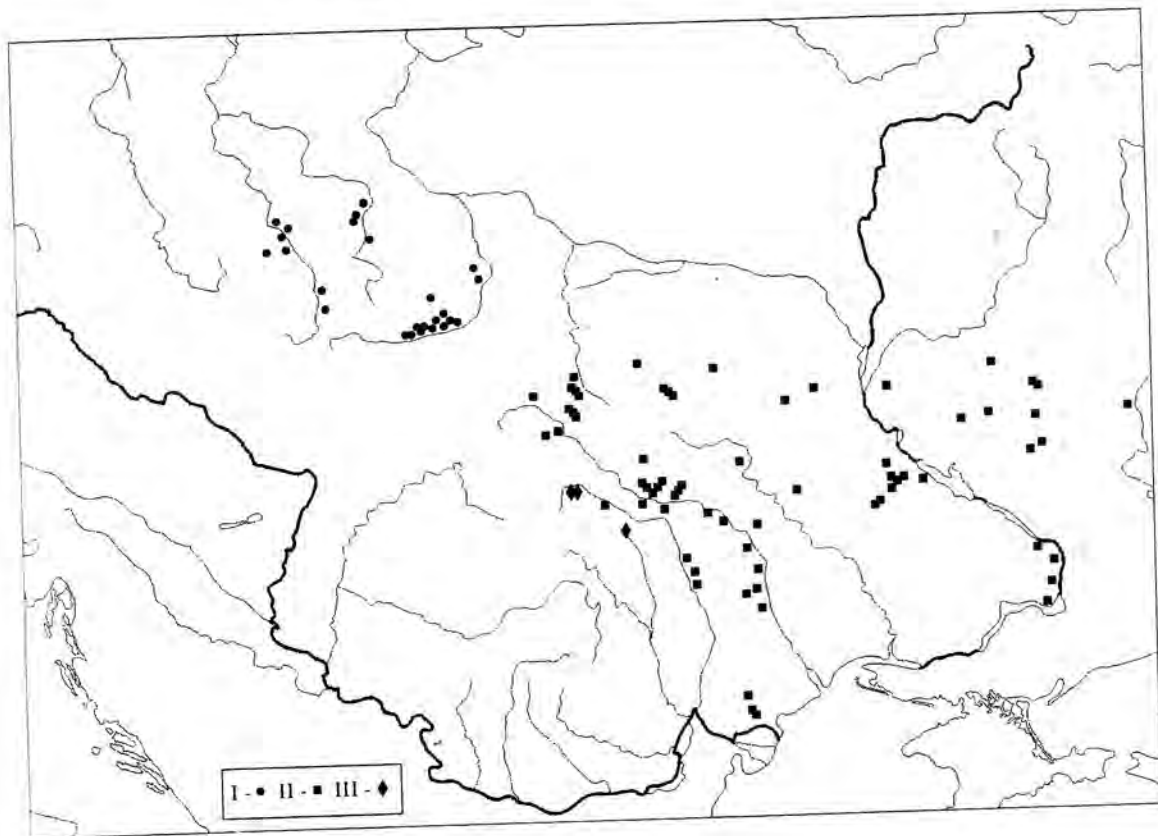
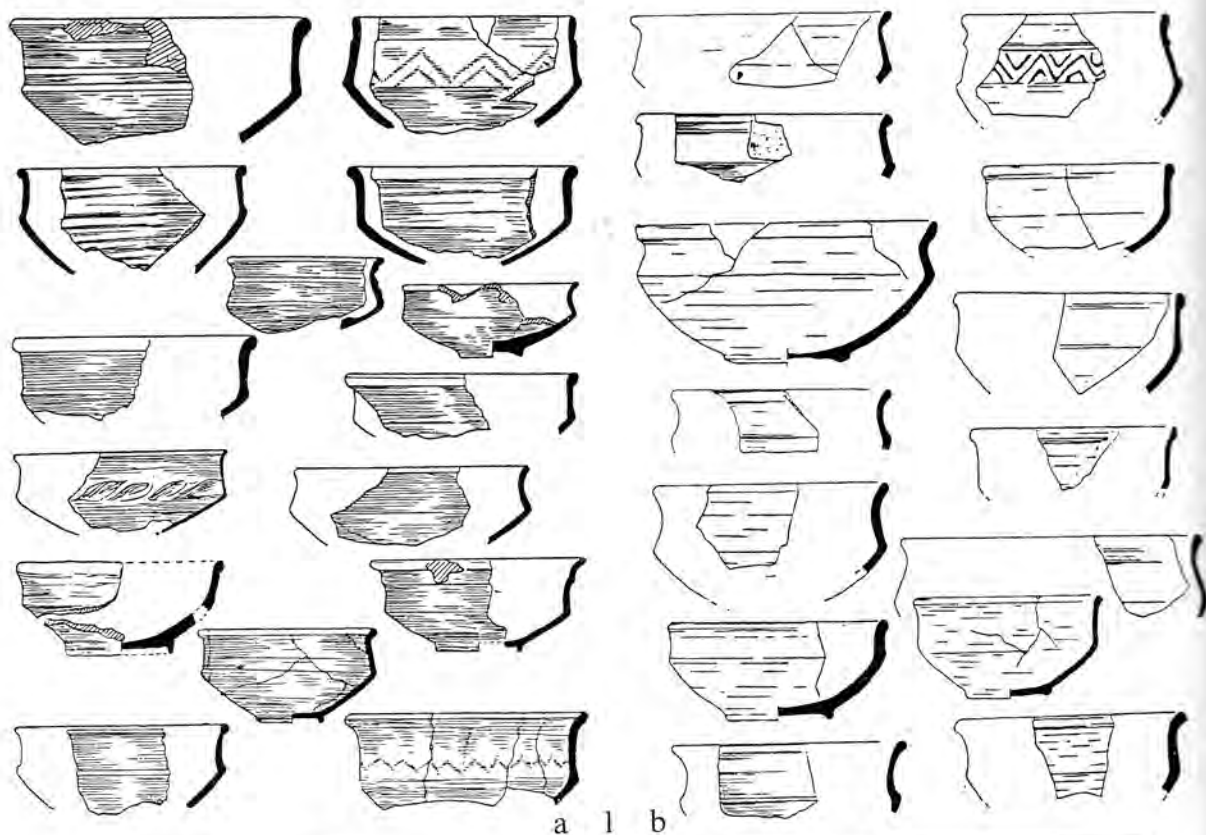
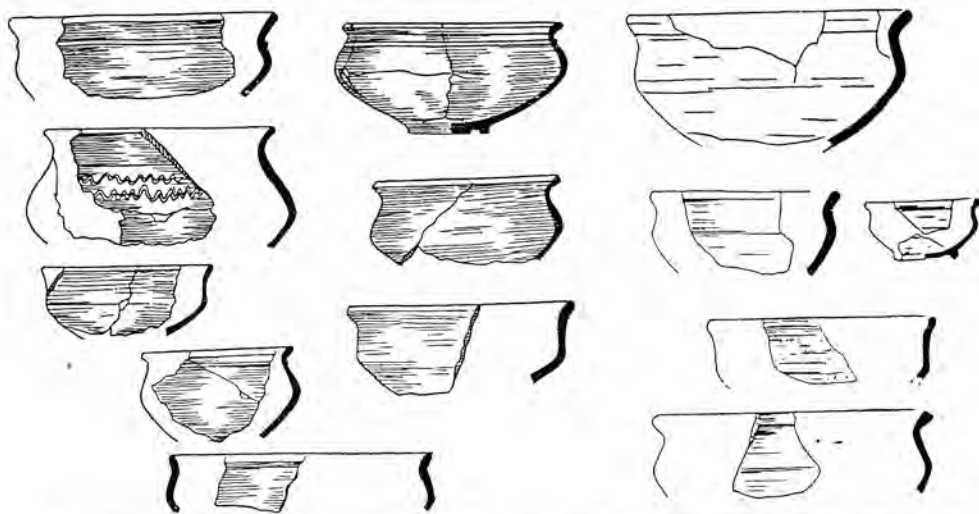

Рис. 1. Гончарные печи в Южной Польше и Юго-восточной Европе. Карта распространения по А. Бобринскому (1991, с дополнениями) и Х. Добжаньской (1990): I – пшеворская культура, II – черняховская культура, III – культура карпатских курганов. 1 – горн из Рипнева II по В. Барану (1990), 2 – горн из Иголоми по Х. Добжаньской (1990).

a 2 b

a 3 b

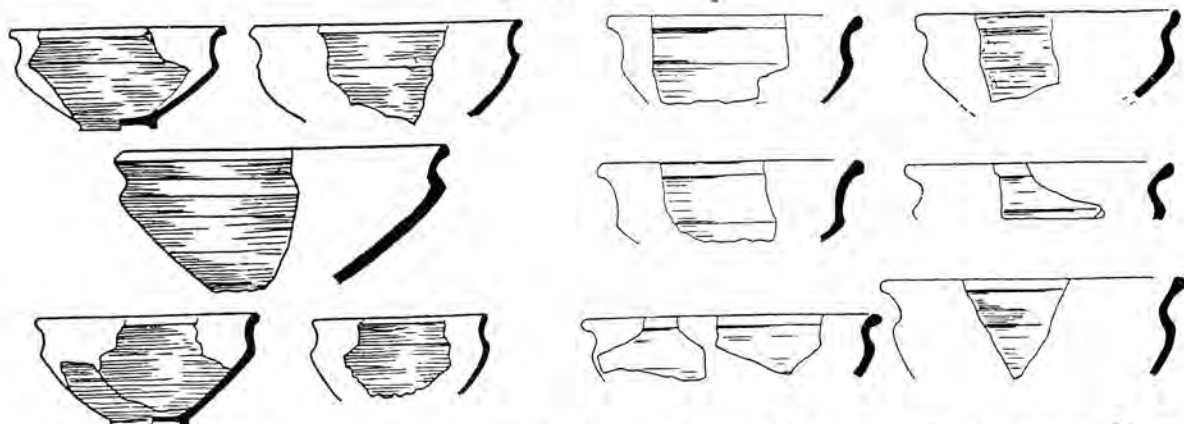

Рис. 2. Типы столовых мисок с памятников Теремцы-Черепин (а) и пшеворской культуры (б), по В. Барану (1981) и Х. Добжаньской (1990).

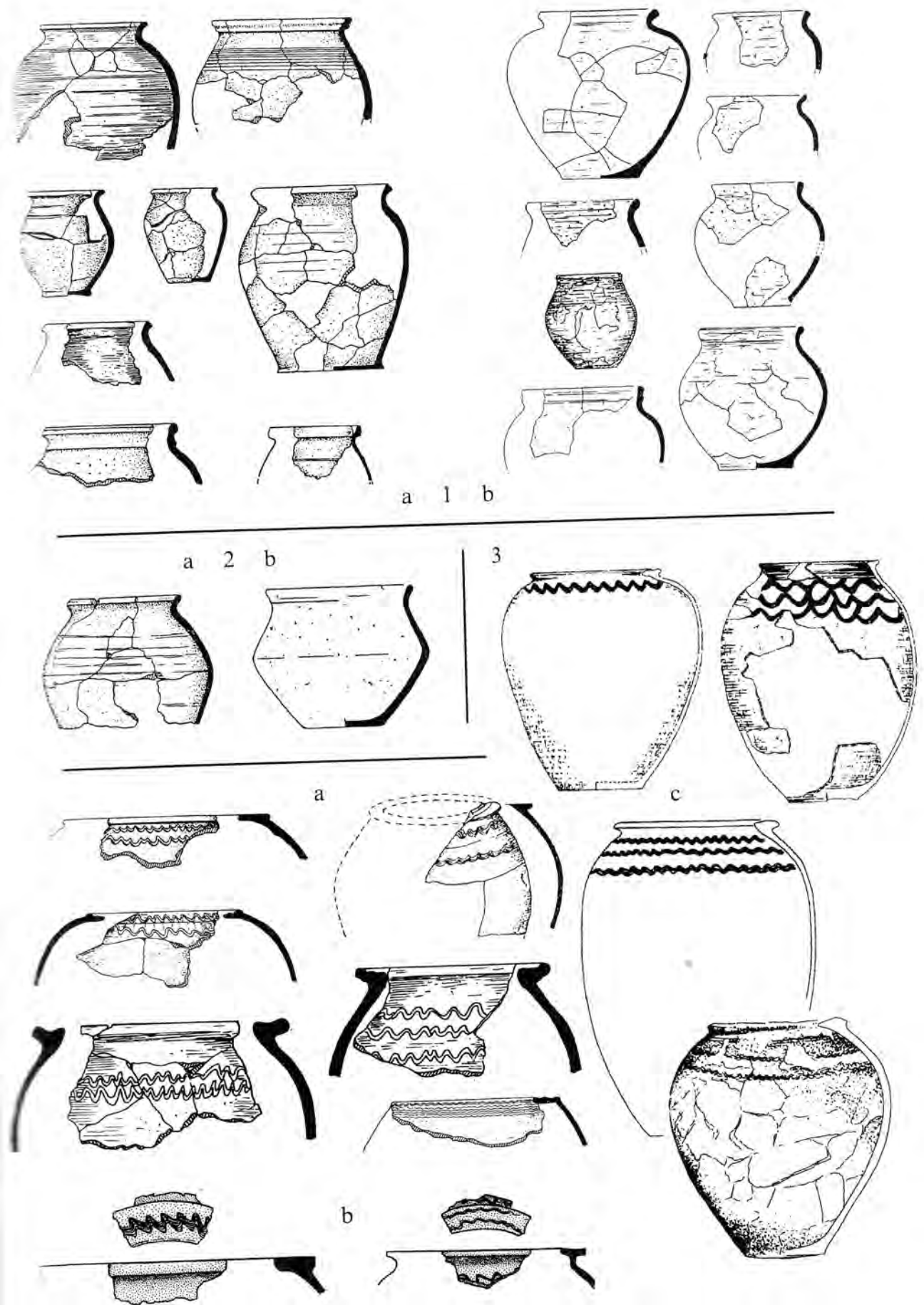

Рис. 3. Типы столовой посуды с памятников Теремцы-Черешни (а) и пшеворской культуры (б), по В. Барану (1981) и Х. Добжаньской (1980, 1990).

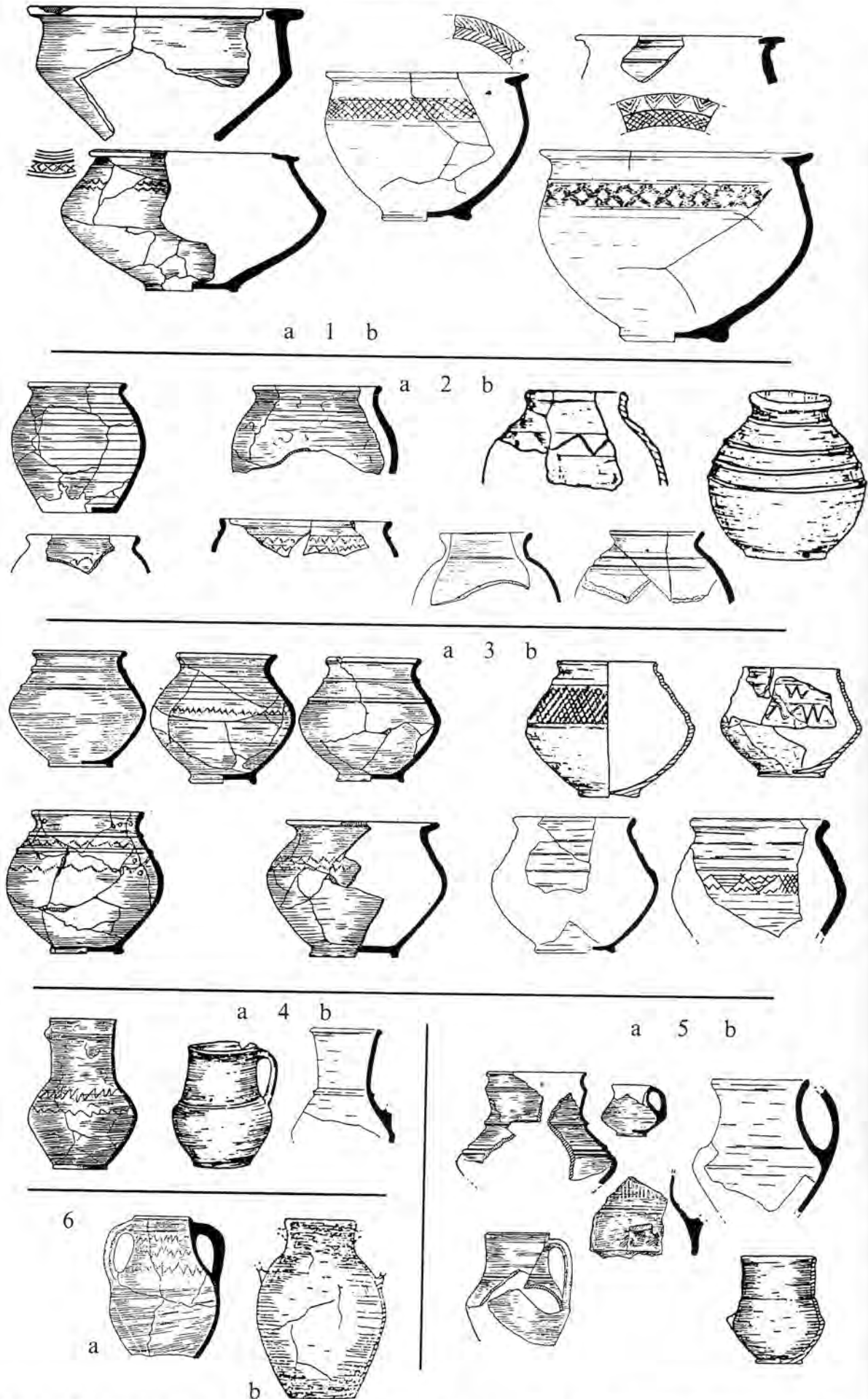

Рис. 4. Типы кухонной посуды с памятников Теремцы-Черепин (1а, 2а) и пшеворской культуры (1б, 2б), по В. Барану (1981) и Х. Добжаньской (1980, 1990). Сосуды krausengefäss ? з карпатского региона: а – по В. Барану (1981), б – по Л. Вакуленко (1977), с – по Р. Мадыде-Легутко (1996).